

НЕГЕТЕРОСЕКСУАЛЬНЫЕ УЛИКИ: РАССЛЕДОВАНИЕ СОБСТВЕННОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ В БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ

Полина Андреевна Кислицына

Независимый исследователь

Санкт-Петербург, Россия

pkislitsyna@eu.spb.ru

Аннотация: Статья посвящена тому, как негетеросексуальные люди ищут в прошлом предполагаемые признаки своей сексуальной инаковости и предъявляют их в биографических нарративах. Этот поиск своеобразных улик напоминает расследование: информанты выбирают события и детали из детства и юности, которые, как они предполагают, связаны с их нынешней сексуальной идентичностью. Такими уликами среди прочего оказываются воспоминания о детских сексуализированных играх, гендерной инаковости, проявляющейся с детства, и детской заинтересованности или безразличии к теме сексуальности. На материале биографических интервью и письменных автобиографий рассматриваются риторические стратегии самоописания негетеросексуальных людей. В качестве инструмента концептуализации выбрана уликовая парадигма К. Гинзбурга, однако поиском улик в данном случае занимается не исследователь, а сами информанты. Методологическим основанием работы является биографический подход и нарративный анализ. С помощью улик негетеросексуальности, найденных в прошлом, информанты одновременно подтверждали постоянство своей сексуальности и связывали элементы своей биографии в единую историю. Последовательный биографический нарратив позволяет нормализовать негетеросексуальность рассказчика, предлагая ей объяснение и предысторию. В то же время он строится на оппозиции к гетеросексуальной норме.

Ключевые слова: гомосексуальность, бисексуальность, сексуальность, сексуальная идентичность, биографический нарратив, риторические стратегии, уликовая парадигма.

Для ссылок: Кислицына П. Негетеросексуальные улики: расследование собственной сексуальности в биографических нарративах // Антропологический форум. 2023. № 56. С. 93–119.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-56-93-119

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/056/kislitsyna.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2023, NO. 56

NON-HETEROSEXUAL CLUES: INVESTIGATING ONE'S SEXUALITY IN BIOGRAPHICAL NARRATIVES

Polina Kislitsyna

Independent researcher

St Petersburg, Russia

pkislitsyna@eu.spb.ru

Abstract: The article is devoted to how non-heterosexual people look for perceived signs of their sexual otherness in the past and present them in biographical narratives. This search for clues is like an investigation: informants select events and details from childhood and adolescence that are assumed to be related to their current sexual identity. These clues include, among other things, recollections of childhood sexualized games, child gender otherness, and childhood interest or indifference to the topic of sexuality. In biographical interviews and written autobiographies, the author considers rhetorical strategies for the self-description of non-heterosexual people. The evidence paradigm of K. Ginzburg is used as a conceptualization tool, but, in this case, participants look for clues, not the researcher. The methodological basis of the work is a biographical approach and narrative analysis. With the help of non-heterosexual clues found in the past, participants simultaneously confirm the sustainability of their sexuality and connect elements of their biography into an orderly story. A coherent biographical narrative allows them to normalize their non-heterosexuality by offering an explanation and background to it. At the same time, it is built on opposition to the heterosexual norm.

Keywords: homosexuality, bisexuality, sexuality, sexual identity, biographical narrative, rhetorical strategies, evidential paradigm.

To cite: Kislitsyna P., 'Negeteroseksualnye uliki: rassledovanie sobstvennoy seksualnosti v biograficheskikh narrativakh' [Non-Heterosexual Clues: Investigating One's Sexuality in Biographical Narratives], *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 56, pp. 93–119.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-56-93-119

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/056/kislitsyna.pdf>

Полина Кислицына

Негетеросексуальные улики: расследование собственной сексуальности в биографических нарративах

Статья посвящена тому, как негетеросексуальные люди ищут в прошлом предполагаемые признаки своей сексуальной инаковости и предъявляют их в биографических нарративах. Этот поиск своеобразных улик напоминает расследование: информанты выбирают события и детали из детства и юности, которые, как они предполагают, связаны с их нынешней сексуальной идентичностью. Такими уликами среди прочего оказываются воспоминания о детских сексуализированных играх, гендерной инаковости, проявляющейся с детства, и детской заинтересованности или безразличии к теме сексуальности. На материале биографических интервью и письменных автобиографий рассматриваются риторические стратегии самоописания негетеросексуальных людей. В качестве инструмента концептуализации выбрана уликовая парадигма К. Гинзбурга, однако поиском улик в данном случае занимается не исследователь, а сами информанты. Методологическим основанием работы являются биографический подход и нарративный анализ. С помощью улик негетеросексуальности, найденных в прошлом, информанты одновременно подтверждали постоянство своей сексуальности и связывали элементы своей биографии в единую историю. Последовательный биографический нарратив позволяет нормализовать негетеросексуальность рассказчика, предлагая ей объяснение и предысторию. В то же время он строится на оппозиции к гетеросексуальной норме.

Ключевые слова: гомосексуальность, бисексуальность, сексуальность, сексуальная идентичность, биографический нарратив, риторические стратегии, уликовая парадигма.

Жанр биографического интервью, как и жанр автобиографии, предполагает обращение информанта или рассказчика к своему прошлому. Однако то, какие именно детали прошлого будут им освещены, зависит от множества факторов. Среди наиболее значимых можно выделить коммуникативную задачу (как человек видит цель своего рассказа) и представление о самом себе (как человек видит себя). Мои информанты, негетеросексуальные люди, знали о том, что интересуют меня как исследователя именно в этом качестве, а потому, рассказывая о себе, детально реконструировали процесс развития собственной сексуальности так, как сами его представляли. Они проделывали своего рода расследование того, какие следы ненормативной сексуальности можно найти в их прошлом и что эти следы могут значить по отношению к их актуальному настоящему: когда, при каких обстоятельствах и в какой форме они впервые заметили в себе что-то, интерпретируемое ими как негетеросексуальные проявления. Соответствующие герменевтические процедуры необязательно проводились в момент порождения нарратива, нередко рассказчики предъявляли

Полина Андреевна Кислицына
Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия
pkislitsyna@eu.spb.ru

результаты той дискурсивной работы, которая была проведена ранее (в собственных размышлениях, разговорах с друзьями или партнерами, дневниковых записях, постах в блогах и т.п.). Одна информантка, описывая эпизоды из детства, заметила: «Когда анализируешь прошлое, думаешь так... М-м-м... Все понятно», — имея в виду, что в давних событиях видит отчетливые предпосылки ее нынешней лесбийской идентичности. Кроме того, из модальности ее слов можно понять, что подобный семиотический самоанализ привычен для нее и не является импровизацией в момент интервью.

Какие же детали и события негетеросексуальные люди интерпретируют как признаки их сексуальности? И почему эти элементы занимают важное место в биографических нарративах? Мое антропологическое исследование стремится ответить на эти вопросы, будучи посвящено способам нарративизации гомосексуального и бисексуального опыта. В статье я рассматриваю рассказ моих информантов о своем прошлом как поиск негетеросексуальных улик в соответствии с уликовой парадигмой К. Гинзбурга [Гинзбург 2004], объединенной с концепцией терапевтического нарратива Е. Иллуз [Illouz 2007] и теоретическими подходами к анализу биографических нарративов.

Исследование выполнено в русле социального конструктивизма: гендер и сексуальность рассматриваются как продукты социального конструирования, а любая натурализация этих категорий подвергается анализу [Butler 1990]. Точно так же представления о том, какой должна быть история о собственной жизни, являются социально сконструированными [Розенталь 2003; Савкина 2007; Рождественская 2012; Калугин 2015]. Траектория жизни задается схемами, укорененными в социальных институтах, и существует еще до возникновения биографического нарратива, организует его. Данная статья не только развивает малочисленную область исследований нарративизации негетеросексуального опыта на российском материале¹, но и расширяет академическое знание об устройстве биографического нарратива.

Материалом для исследования послужили 49 биографических интервью и 37 письменных автобиографий, собранных у негетеросексуальных людей². Интервью (20 мужских и 29 жен-

---

¹ Первопроходцами в этой области можно назвать А. Роткирх и С. Мозжегорова [Роткирх 2002; Мозжегоров 2013; 2014].

² Я использую термин «негетеросексуальные люди» в качестве зонтичного понятия, включающего в себя гомосексуальных, бисексуальных, пансексуальных людей, а также тех, кто не идентифицирует себя определенным образом, имея при этом гомосексуальный опыт в прошлом или настоящем. Этот термин критикуется за то, что он, являясь негативной производной от гетеросексуальности, обслуживает ее нормативность, а также лишает позитивного основания для объединения тех,

ских), информанты для которых были найдены с помощью метода снежного кома, проводились в 2018 г. в Москве и Санкт-Петербурге. Письменные автобиографии (22 мужских и 15 женских) получены с помощью организованного при поддержке сайта Colta.ru конкурса, который проходил с июля по август 2018 г.¹ И интервью, и письменные тексты стремятся охватить всю жизнь информантов с раннего детства до момента записи с фокусом на сексуальной биографии. Подобный подход использовала А. Роткирх, так же, как и я, анализируя письменные автобиографии, собранные с помощью конкурса [Роткирх 2011]. Возраст моих информантов находится в диапазоне от 18 до 64 лет: средний возраст интервьюируемых — 36 лет, средний возраст авторов письменных автобиографий — 28 лет². Преимущественно это люди с высшим образованием и средним достатком, живущие большую часть времени в Москве и Санкт-Петербурге.

«Ретроспективное пророчество» в разных жанрах и контекстах: теоретический аппарат

К. Гинзбург описывает уликовую парадигму как эпистемологическую модель, основанную на дешифровке незначительных деталей, незамеченных признаков, скрытых знаков, симптомов, улик [Гинзбург 2004]. Этот метод исследователь называет «ретроспективным пророчеством» и добавляет: «Если причины не поддаются воспроизведению, остается лишь заключать к ним от следствий» [Гинзбург 2004: 216]. Кроме того, он считает, что данная парадигма может быть исследовательским инструментом в тех случаях, когда реальность непрозрачна и только приметы или улики позволяют ее дешифровать. Иллюстрируя понятие уликовой парадигмы, К. Гинзбург сопоставляет методы Дж. Морелли, по мелким деталям отделяющего подделки от оригинальных живописных полотен, Шерлока Холмса, по уликам расследующего преступления, и Зигмунда Фрейда, выявляющего тайные аспекты человеческой психики по почти незаметным

по отношению к кому применяется [Browne 2003; Clech 2018]. Однако я следую выбору терминологии Ф. Стеллы [Stella 2015]. На мой взгляд, «негетеросексуальные люди» — это наиболее удачный термин, позволяющий объединить моих информантов, у которых нет общего способа самоопределения, но есть разделяемые ими опыт и способы его описывать, и не навязывать при этом никому чуждых им идентичностей. Последнее особенно важно, именно поэтому я не использую термины «квир» или «ЛГБТ». Подробнее о выборе терминологии и ее релевантности по отношению к практикам самоидентификации моих информантов см.: [Кислицына 2021]. Стоит оговориться также, что среди моих информантов не было трансгендерных и гендерно небинарных людей.

¹ Гомосексуальность в России: конкурс ваших историй // Colta.ru. 2018, 10 июля. <<https://www.colta.ru/articles/society/18544-gomoseksualnost-v-rossii-konkurs-vashih-istoriy>>.

² Поскольку авторы письменных автобиографий сами определяли объем информации о себе, которую они готовы предоставить, известно о возрасте лишь 20 информантов этого типа, и только 12 назвали точное место проживания.

бессознательным проявлениям. Последняя фигура особенно важна в контексте моего исследования, поскольку, во-первых, З. Фрейд совершил значительный поворот в исследованиях сексуальности и, в частности, гомосексуальности, отрицая самоочевидность сексуального интереса к противоположному полу: как и гомосексуальное, гетеросексуальное влечение, по мысли ученого, формируется под влиянием ряда факторов, а не является врожденным [Фрейд 1990; Кон 2003; Savoia 2010]. Во-вторых, самоанализ моих информантов хотя и не был по существу психоанализом, но имел некоторое сходство с подходом З. Фрейда. В-третьих, это имя было хорошо знакомо информантам, и некоторые упоминали его идеи, рассуждая о сексуальности. И наконец, З. Фрейд оказывается промежуточным звеном между уликовой парадигмой и концепцией терапевтического нарратива в моем теоретическом построении.

Психоанализ, как пишет Е. Иллуз, вместе с популярной психологией и литературой самопомощи (self-help) оказал большое влияние на современную западную культуру¹ [Ilouz 2007]. Исследовательница описывает, как под этим влиянием, усиленным развивающимся консюмеризмом, формируется терапевтическая культура и терапевтический нарратив, в центре которых находится личность (Self) и ее самореализация. Благодаря массовой культуре и развитию рынка услуг психотерапевтов терапевтический нарратив становится главенствующим способом говорения о себе. Основной его особенностью является организация истории вокруг травмы и психологического страдания, являющихся преградой на пути к подлинному Я: рассказчик сообщает о потрясениях, пережитых в детстве, а затем описывает их влияние на его настоящее. Этот метод самоанализа укладывается в уликовую парадигму: в поисках скрытых причин своего нынешнего состояния субъект обнаруживает особые знаки в прошлом.

Если обратиться к теоретическим изложениям биографического метода в социальных науках, можно найти следы «ретроспективного пророчества» в концептуализации любого биографического нарратива. Рассуждая о прошлом и будущем в автобиографиях, Е.Ю. Рождественская пишет о двойном временном горизонте: «В двойном горизонте прошлого и будущего прошлое изменчиво, оно подвергается реинтерпретации в той мере, в какой это требует актуальная Я-концепция» [Рождественская 2012: 27]. Иными словами, события прошлого становятся уликами для автобиографического субъекта постольку,

---

¹ О том, как терапевтическая культура развивается и формирует новый язык для описания эмоций и чувств в постсоветском контексте, пишут П. Аронсон, Ю. Лернер, А. Шадрин и др. [Лернер 2011; Шадрин 2017; Аронсон и др. 2022].

поскольку он намерен объяснить свое текущее положение. Помимо причинных связей, возможно лишь иллюзорных, для биографических нарративов характерна также непрерывность, что в какой-то мере является другой стороной той же медали. Жизненные события в истории последовательно вытекают одно из другого и соответственно связаны причинно-следственной связью. Чтобы обеспечить эту целостность истории, рассказчик использует особые нарративные стратегии, объединенные (в рамках одного нарратива) системами представлений. Ш. Линде обозначает их как системы когерентности, «культурное средство для структурирования опыта в социально разделяемых нарративах» [Linde 1993: 166]. В ее исследовании американских жизненных историй о выборе профессии конца 1970-х гг. одной из таких систем оказывается как раз популярная фрейдистская психология. Характерный для нее поиск скрытых причин в раннем детстве позволяет связать фрагменты биографии в единое повествование, служит риторической стратегией сборки.

Схема построения биографического нарратива универсальна и может быть реализована в совершенно разных контекстах: рассказчик, зная исход истории, связывает события из разного времени с помощью знаков, примет, которые превращают повествование в «исполняющееся пророчество» [Дубин 2001: 118]. Б. Дубин, говоря о таких предсказаниях в биографиях, упоминает «наполеоновский миф» и романтизированные биографии «гениев», авторы которых особое внимание уделяли детству, родительскому дому и первым воспоминаниям, нагружая их дополнительными смыслами. Подобные приемы встречаются и в агиографической традиции, где судьба святого заранее предопределена, и поэтому, рассказывая о ней, автор приводит различные приметы и предзнаменования будущего, пытаясь таким образом показать «вневременной смысл событий»¹ [Лихачев 1979: 251]. Пророческие знаки можно найти и в мемуарах советских диссидентов, которые изображали себя прирожденными инакомыслящими, сообщая об эпизодах первых «столкновений» с советским режимом еще в детстве² [Натанс 2018].

¹ Здесь интересна связь не только с житием как жанром древнерусской литературы, но и с религиозным нарративом, понятым в широком смысле. Е. Иллюз сопоставляет терапевтический и религиозный нарративы, поскольку и в том и в другом «все имеет скрытый смысл и значение» [Illouz 2007: 47]. Кроме того, и тот и другой обращены одновременно и в прошлое, все еще актуальное в настоящем, и в будущее, в котором возможно спасение (искупление грехов или избавление от психологических страданий). Это сопоставление можно уточнить, проведя параллель между терапевтическим и конверсионным нарративом, или нарративом обращения, в котором верующий переоценивает свою биографию, описывает свой путь к вере, находя в прошлом предпосылки к ее обретению [Snow, Machalek 1984; Jackson 2012; Поплавский, Клюева 2013].

² Эта риторика напоминает используемую ЛГБТ-активистами (и не только) риторику “born this way” («я таким родился»), в рамках которой врожденность гомосексуальности и ее биологическое обоснование служат аргументом в защиту ЛГБТ-прав [Walters 2014].

Что касается исследований биографических нарративов негетеросексуальных людей, их не так много. Несмотря на то что качественные исследования сексуальности в основном выполнены на биографическом материале, сами способы нарративизации негетеросексуального опыта нечасто попадают в фокус. Одной из ключевых работ в этой области можно назвать исследование К. Пламмера, который рассматривает в качестве особого жанра истории о каминг-ауте (coming out stories), т.е. нарративы геев и лесбиянок о том, как они приняли свою сексуальную идентичность и рассказали о ней окружающим [Plummer 1995]. Исследователь выделяет в таких текстах устойчивые элементы, выстраивающиеся в определенной последовательности: (1) поиски начала своей гомосексуальности в раннем детстве, (2) ощущение собственной инаковости в детстве, (3) ключевой момент — обнаружение собственной гомосексуальности, сопровождаемое стыдом и страхом, (4) решение личностных проблем, связанных с гомосексуальностью, чаще всего через встречу с другими геями или лесбиянками, (5) обретение чувства собственной гей-идентичности и одновременно причастности к гей-сообществу. Позже такую концептуализацию, как и само понятие каминг-аута, раскритиковали за чрезмерную линейность, грубость, этноцентричность, устаревание, неприложимость к множественным сексуальным идентичностям и опыту вне западной культуры [Seidman 1999; Jolly 2001; Stella 2015]. Тем не менее предложенная К. Пламмером схема имеет прямое сходство с терапевтическим нарративом¹, а первые два пункта представляют собой «ретроспективное пророчество» уликовой парадигмы. Именно обращение к детскому опыту в поисках негетеросексуальных улик роднит американские истории о каминг-ауте с моим материалом.

Негетеросексуальные улики: от игры к сексуальному интересу

Все нарративные элементы, описанные далее, рассматриваются мною в их взаимосвязи и встроены в общую канву истории о развитии своей сексуальности (или постепенном знакомстве с ней). Выбранная структура статьи может создать иллюзию того, что все эти элементы представлены в нарративах в хронологической последовательности от раннего детства к подростковому возрасту. Однако в описании материала я следовала скорее фабуле нарративов, нежели сюжету: биографические нарративы (особенно устные) гораздо менее линейны. Мои информанты могли возвращаться к эпизодам из раннего детства

---

¹ Как, впрочем, и с конверсионным нарративом, особенно если сравнивать с историями воцерковленных верующих, включенных в религиозное сообщество.

в разных частях повествования и, наоборот, забегать вперед. Эти переключения между временем повествования прямо или косвенно отражают причинно-следственные связи, проводимые рассказчиком между прошлым и настоящим. В конце статьи я продемонстрирую, как различные детали (порой противоречивые) могут совмещаться в одном нарративе и получать интерпретацию в зависимости от выбранной оптики и точки, из которой производится расследование.

В статье я обращаюсь к рассказам о детских сексуализированных играх, гендерной инаковости, проявляющейся с детства, и детской заинтересованности или безразличии к теме сексуальности. Формат статьи вынуждает меня выбрать только три вида улик, найденных информантами, и подробно рассмотреть процесс их выявления и функционирование этих элементов в нарративах, но они не исчерпывают все возможные варианты дискурсивной работы со своим прошлым, встречающиеся в моем материале. В качестве признаков собственной негетеросексуальности в детстве и ранней юности информанты описывали также свои телесные реакции, связанные с сексуальным возбуждением (или его отсутствием в ситуациях, когда «в норме» оно должно было быть), эротические и эстетические впечатления, эмоциональный и чувственный опыт, означенный или переозначенный позже как влюбленность. Все они, с одной стороны, связаны с предполагаемым отличием от гетеросексуальной нормы: информанты считают, что у гетеросексуальных людей такого опыта нет или он является для них несущественным, в то время как для негетеросексуальных рассказчиков он составляет важную часть самоидентификации. С другой стороны, все эти улики выстраиваются в связную цепочку событий, составляющих предысторию и объяснение сексуальной идентичности рассказчика. И биографический нарратив, и сексуальная идентичность, вокруг которой он строится, оказываются целостными, обобщенными и устойчивыми.

Показывая последовательное, «естественное» развитие своей сексуальности, рассказчики нормализуют ее. В этом процессе неизбежно проявляются представления информантов о природе сексуальности вообще и негетеросексуальности в частности. В биографических нарративах негетеросексуальность предстает эссенциализированной, врожденной. Она как бы сразу присутствует в теле или подсознании человека и постепенно находит проявления, независимо от его воли. При этом сам рассказчик, как это следует из нарративов, может сначала не замечать или не понимать этих проявлений, но позже находить их, переосмыслять и придавать им необходимое значение. Стремление искать эти знаки в детском и раннеподростковом возрасте наследует постфрейдистской психологической традиции

и законам терапевтического нарратива, согласно которым корни любых проявлений личности можно найти в детстве.

Может показаться, что негетеросексуальные улики связаны только с гомосексуальностью, а бисексуальность выпадает из предложенного анализа. Оговорюсь, что между гомосексуальными и бисексуальными биографиями действительно есть различия, большинство которых останутся за рамками статьи. Однако фокус исследования на негетеросексуальности повлиял на акценты бисексуальных людей в их жизненных историях, они были склонны рассказывать именно о негетеросексуальной части своего опыта (особенно в письменных автобиографиях, на содержание которых я могла повлиять в меньшей степени, чем в интервью). Возможно, влияние оказала также непроблематичность гетеросексуального опыта в гетеронормативной культуре: выходящий за пределы нормы гомосексуальный опыт своей проблематичностью уже создает сюжет и потребность в объяснении, в то время как гетеросексуальный опыт оказывается в поле умолчания. Кроме того, бисексуальные информанты точно так же, как гомосексуальные и иначе идентифицирующиеся, стремились продемонстрировать свою инаковость, отличие от нормы. Поэтому выделенные нарративные элементы, за исключением тех, которые связаны с неприятием гетеросексуального опыта, актуальны и для бисексуальных людей.

За рамками статьи остались также гендерные различия негетеросексуальных биографических нарративов. В тексте я проследила закономерности, которые присущи и мужским, и женским расследованиям сексуальности. Тем не менее между ними есть существенные различия, детали которых — тема отдельного исследования. В общих чертах можно сказать, что в мужских нарративах большую роль играют сексуальное влечение, возбуждение, физиология сексуальности, в то время как в женских историях физиология, чувственный опыт и сексуальные фантазии занимают меньше места либо иначе вербализуются. Рассказчицы больше говорят о своих эмоциях и переживаниях. Кроме того, в женских историях практически не встречались упоминания гомосексуальной порнографической и эротической продукции (только в негативном ключе, как нереалистичный образ лесбийского секса). Поэтому там, где описываются воспоминания о детском интересе к гомосексуальной порнографии или эротике, преобладают мужские цитаты.

Детские сексуализированные игры

Прежде чем перейти к описанию и анализу нарративов о детских однополых сексуализированных играх как признаке или предзнаменовании негетеросексуальности, я сделаю небольшое

вступление с обзором литературы, посвященной подобным играм детей. Мне кажется это необходимым, для того чтобы показать распространенность данных практик, в том числе среди гетеросексуальных людей. Еще в 1940-х гг. американский сексолог А. Кинси обнаружил, что 57 % опрошенных мужчин и 48 % опрошенных женщин имеют опыт сексуализированных игр до наступления полового созревания, в которые входили демонстрация гениталий друг другу и мануальные взаимодействия с ними [Kinsey et al. 1948; 1953]. А. Кинси считал эти практики результатом здорового интереса к сексу и сексуальной анатомии. Другое американское исследование, сфокусированное на опыте девочек, показало, что 85 % респонденток имели подобный опыт в детстве [Lamb, Coakley 1993]. Причем количество тех, чьими партнерами по таким играм были девочки, преобладало над числом тех, кто вспоминал о кросс-гендерных взаимодействиях подобного рода (56 против 46 %). На собранном материале авторы составили описательную типологию таких игр: игры в доктора, где один из участников разыгрывает роль доктора или медсестры и проводит «медицинский осмотр»; непосредственная демонстрация гениталий друг другу; эксперименты по стимуляции, когда участники изучают телесные реакции, трогая друг друга; игры с поцелуями; фантазийные игры, в ходе которых участники, изображая взрослых (например, семейную пару), разыгрывают сексуальный акт.

Подобные игры между детьми одного пола рассматривались (но уже в рамках качественных исследований) и на российском материале [Борисов 2002; Роткирх 2011]. И.С. Кон объясняет преобладание однополых сексуализированных игр над разнополыми гендерной сегрегацией, большей физической доступностью сверстников своего пола и менее строгим табуированием телесных контактов с ними [Кон 2003]. Исследователи сходятся на том, что детские сексуализированные игры выполняют образовательную функцию: так дети усваивают и распространяют воплощенное (embodied [Csordas 1993; Мосс 1996]) знание о сексе. Итак, подобный опыт не является специфическим для негетеросексуальных людей и имеет широкое распространение. Вопрос же состоит в том, какую интерпретацию и риторическое оформление он получает в биографических нарративах.

Описанная выше типология детских сексуализированных игр может быть применима и к моему материалу. И в интервью, и в письменных автобиографиях рассказывается об играх в доктора, во время которых участники раздевались, об играх в семью, кульминацией которых была имитация полового акта, об играх с поцелуями, о простой демонстрации гениталий друг другу или даже в отдельном случае об имитации брачных игр

животных. Некоторые описывают непосредственное разыгрывание сексуального акта, о котором знали понаслышке от сверстников или который увидели в фильме, как в приведенной ниже цитате:

Ах да, видел я в одном фильме, как мужчина трогал женщину и как-то странно на ней лежал, целовал. Что в этом за удовольствие?! Мне кажется, нужно попробовать. Но с кем?! Попробую предложить подобное другу с первого этажа. А что?! Он старше меня на целых два месяца, уж точно знает, что это такое. Сегодня он позвал меня в укромное место, за гаражами. <...> Мы сняли штаны и легли друг на друга, имитируя телодвижения как в фильме. Оба старались, томно дышали, но не предпринимали иных действий (гомосексуальный мужчина, 1990 г.р.).

Такие игры датировались моими информантами возрастом в диапазоне от 4 до 11 лет. Партнерами по играм становились близкие друзья или подруги, родственники приблизительно того же возраста (двоюродные или троюродные братья или сестры). Пространства сексуализированных игр становились закрытые комнаты в квартирах рассказчиков или их партнеров по играм, детские сады (нередко такие игры имели место в кроватях во время тихого часа или в туалете), а иногда даже детские площадки во дворах.

Если участники сексуализированных игр были одного пола (а за малыми исключениями так оно и было в большинстве случаев), рассказы о таких играх имели выраженную функцию — описать самые ранние проявления гомосексуальности или бисексуальности, подчеркнуть их естественность и часто неосознанность, а также наивность детского восприятия (как, например, в цитате, приведенной выше). В ходе интервью истории о таких играх часто вводились фразами вроде «Для темы вашего исследования будет интересно...» или «К этой теме...». Иными словами, рассказчики проводили прямую связь между собственной негетеросексуальностью (которую они и мыслили предметом моего непосредственного интереса) и своим опытом однополых сексуализированных игр, который оказывался значимой уликой в расследовании собственной сексуальности.

Информанты подчеркивали свою активную роль в этих играх, собственную инициативу.

В детстве я предпочитала играть с девочками в игры, в которые девочки, наверное, предпочитают играть с мальчиками. Я всегда была провокаторшей, в том смысле, что я с 5–6 лет разводила своих подруг на какие-нибудь сексуализированные игры. В семью. Либо я изобретала игры, где мы должны были раздеваться, показывать (гомосексуальная женщина, 1986 г.р.).

В приведенной цитате информантка раскрывает воображаемую ею норму: она полагает, что «обычно» в подобные игры девочки играют с мальчиками. Ее собственный опыт отличается и становится маркером негетеросексуальности. Повышенный интерес, побуждающий к изобретательству и уговариванию подруг, служит дополнительным свидетельством инаковости рассказчицы. Большая заинтересованность, исходя из логики развертывания биографического рассказа, подтверждает свойственное рассказчикам с раннего детства или даже врожденное гомосексуальное влечение.

Интересно, что при этом некоторые рассказчики отмечают, что их партнеры по играм оказались впоследствии гетеросексуальными. Так, одна информантка сомневается в том, что этот опыт вообще остался в памяти ее подруги детства: «Думаю, если ее спросишь, она об этом не вспомнит» (бисексуальная женщина, 1970 г.р.). Другой рассказчик также предполагает, что его товарищ забыл об их совместном опыте: «В более зрелой жизни мы не поднимали эту тему. Он, возможно, забыл» (гомосексуальный мужчина, 1997 г.р.). Следовательно, даже с точки зрения самих рассказчиков эти игры не содержат того же значения в перспективе гетеросексуальной биографии.

Гендерная инаковость в детстве

Другой негетеросексуальной уликой можно назвать гендерную инаковость моих информантов, обнаруженную ими в детстве. Желание изменить свою гендерную принадлежность, «стать мальчиком» или, наоборот, девочкой можно назвать крайним проявлением той невозможности вписаться в гендерные нормы в детском возрасте, которую нередко подчеркивали рассказчики. Это желание оказывается важным моментом биографии, который рассказчики связывают со своей актуальной гомо- или бисексуальной идентичностью. Информантка, сообщая о подобном эпизоде из детства, подчеркнула, что это может быть интересно для исследователя, значимо в общем контексте развития ее сексуальности: «Вот помню хорошо детский момент, интересный для вас, наверное. Я хотела быть мальчиком в детстве. Даже называла себя мальчиковыми именами» (гомосексуальная женщина, 1974 г.р.). Рассказчики вспоминали, что такое желание находило выражение в назывании себя другим именем, переодевании. Так, информантка, процитированная выше, со смехом рассказывала: «Еще я смешные вещи делала, я надевала мамины колготки капроновые, засовывала на переднее место марлю, и перед зеркалом танцевала и говорила, что я балет». Она же объясняет свои действия и желания следующим образом: «Раз девочка такая, то я мальчик. В особенности если тебе

нравятся девочки. <...> Наверное, если тебе не нравится играть в куклы, а нравится в ножички, наверное, [ты] тоже пацан». Таким образом, желание «быть мальчиком» эксплицитно связано в нарративе как с гомосексуальностью, так и с нарушением гендерных предписаний.

Гендерная инаковость или неконформность может выражаться и в том, как информанты описывали свои привычки, интересы, характеры. Женщины акцентировали внимание на своих «мужских» качествах, проявлявшихся в детстве: инициативность, склонность к активным играм, протесту, дракам, предпочтению мальчикам в выборе друзей. Например, рассказчица, описывая детство, проведенное в деревне, говорит о мальчиках, которые матерились и курили с семи лет, а затем замечает: «Я в то время, то есть в пять-семь лет, тоже материлась как сапожник, дерзила взрослым и устраивала, по выражению бабушки, “концерты”, если мне что-то не нравилось или я не получала то, что хочу» (гомосексуальная женщина, 1986 г.р.). Некоторые подчеркивали, что их не интересовали «девчачьи» игрушки или мультфильмы, наоборот, они всегда выбирали то, что обычно предпочитают мальчики:

Справедливости ради надо отметить, что выбор в то время часто был сугубо номинальным — между Барби и Бэтменом, не считая передач о животных. И приходилось, конечно, симпатизировать Бэтмену, ведь у Барби не было ничего настоящего — ни серых цветов, ни ярких характеров, ни историй, вызывающих сочувствие. <...> Глядя на мультики для девочек в рекламных паузах или пролистывая их случайно, я обычно чувствовала равнодушное раздражение — создатели, верно, считают меня совсем глупой, если думают, что я так легко обманусь... (бисексуальная женщина, приблизительно 1993 г.р.).

Мужчины же отмечали, что в детстве общались в основном с девочками, не интересовались типично «мальчишескими» занятиями: «У меня от силы была пара приятелей-парней. А все девушки, не ослепленные шармом стерв, были моими подругами. Мне не были интересны гонки, войнушки, стрелялки» (гомосексуальный мужчина, 1997 г.р.). В одной из письменных автобиографий автор противопоставляет себя и своего отца, воплощавшего чуждую ему гендерную модель: «[М]ой отец был абсолютной противоположностью мне: для него важно было заниматься спортом и бить морды, только в этом он видел предназначение “настоящего мужчины”. А мне нравились книги, фортепианная музыка и стихи, и мне абсолютно не был интересен ни спорт, ни драки» (гомосексуальный мужчина, 1985 г.р.).

В нарративах гендерная неконформность в детстве служит доказательством инаковости рассказчиков, их непохожести на сверстников так же, как и на взрослые гендерные модели. Информантам важно показать, что, будучи детьми, они уже не вписывались в гендерные нормы, еще до первых проявлений сексуальности в их жизни. Одновременно такой способ рассказа о себе соответствует существующим стереотипам о том, что лесбиянки являются преимущественно маскулинными, а геи — феминными. Эти стереотипы, ставшие общим местом нашей культуры [Кон 2003], получали и другое выражение в биографических нарративах негетеросексуальных людей. Некоторые рассказчики, наоборот, вступали в полемику с этими допущениями, подчеркивая, что в их прошлом не было никаких проявлений гендерной инаковости, они были полностью гендерно конформны. Так, рассказчица упоминает о существовании стереотипа о маскулинности лесбиянок и развернуто демонстрирует, что к ней он не приложим. Девушка последовательно ищет в своем детстве проявления гендерной трансгрессии и не находит:

Кстати, очень важная деталь. Всегда в детстве, в школе, в институте я общалась только с девочками. Моими подругами были только девочки. Я носила длинные волосы, платья, юбки, украшения. Существует стереотип, что «настоящие лесбиянки» тяготеют к маскулинности с детства, но это совершенно не про меня. Я всегда занималась тем, что в принципе воспринимается как традиционно девчачье: я с детства обожаю рукоделие (шитье, вязание спицами и крючком), я закончила музыкальную и художественную школы, я читала девчачьи журналы про моду и красоту, умела заплетать сто видов косичек и т.д. Я всегда очень много читала. Из неконформного можно назвать только занятия спортивным плаванием, где я была единственной девочкой в группе (гомосексуальная женщина, приблизительно 1993 г.р.).

Возможно, такая стратегия говорения о себе является способом самооправдания: нормативная женственность помогает встроиться в существующий социальный порядок (о сходных мотивах пишет Н. Нартова, анализируя российские лесбийские форумы [Нартова 2008]). Рассказчица, заостряя внимание на собственной гендерной нормативности, как бы убеждает имплицитного читателя в том, что ее гомосексуальность не нарушает общественных норм. Одновременно этот фрагмент можно рассматривать как развернутый безуспешный поиск улики, значимый сам по себе, в том числе тем, что ставит под сомнение стереотип, нормирующий рассказ о женской гомосексуальности.

Интерес vs безразличие к сексуальности в детстве

Казалось бы, противоположные детали, обнаруженные разными рассказчиками в своем прошлом, могут интерпретироваться ими как подтверждение одному и тому же — их негетеросексуальности. Так, в качестве негетеросексуальных улик рассматривались информантами и детская заинтересованность в том, что касается сексуальности (репродуктивная физиология, эротика, порнография, собственные сексуальные фантазии и т.п.), и полное безразличие к этому аспекту до определенного момента, зачастую связанного с раскрытием собственной негетеросексуальности. И то и другое, несмотря на антонимию, схожим образом встраивается в нарратив. Сразу стоит отметить, что если интерес информатов был направлен на любую сексуальность, включая гетеросексуальность (хотя эпизоды, связанные с заинтересованностью в гомосексуальной эротике, например, акцентировались рассказчиками с большим энтузиазмом), то безразличие информантов касается именно гетеросексуального секса и вопросов репродукции: до тех пор, пока секс мыслится исключительно как взаимодействие мужчины и женщины, он не вызывает интереса юных субъектов биографии.

Обостренный интерес к сексуальной сфере в детском и ранне-подростковом возрасте встречается во многих биографических нарративах негетеросексуальных людей. Некоторые из них выделяют себя на фоне других сверстников: их собственное любопытство кажется им гораздо значительнее, чем у ровесников, возможно даже чрезмерным. Так, автор автобиографии, описывая свою увлеченность эротической и порнографической продукцией в 11–12 лет, замечает, что она заменяла ему живое общение и другие занятия: «С появлением возможности выхода в интернет, за закрытой дверью комнаты, я изучал человеческие тела, их взаимодействие, язык тела. Одним словом, мне был интересен секс. Взамен поиска каких-то частых социальных отношений и вытекающих из них явлений в реальной жизни, я довольствовался удобной альтернативой — просмотром эротики» (гомосексуальный мужчина, приблизительно 1993 г.р.). Он рассказывает, как вначале интересовался любой порнографией, однако позже, получив доступ к разнообразию порнографических жанров в интернете, «засматривался понемногу на представителей моего пола». Другой рассказчик, проводя прямую связь между физиологическими изменениями своего тела и появлением сексуальных фантазий о мужчинах, подчеркивает, что «повзрослел» раньше сверстников: «Странно, но пубертат у меня начался чуть раньше, чем у сверстников. Если сверстники еще только-только входили в возраст перестройки организма, в 12 лет я уже всю мастурбировал и пред-

ставлял, как целуюсь с Игорем» (гомосексуальный мужчина, 1985 г.р.).

Увлеченность темой сексуальности в детском и раннеподростковом возрасте интерпретируется информантами как значимое отличие от других, а также как предвосхищение, первые признаки истинной гомосексуальности или бисексуальности рассказчика, которая раскроется позже, или даже как ее начало или следствие. Интерпретация варьируется в зависимости от того, описывает ли информант свою заинтересованность как осознаваемую или неосознаваемую. Так, процитированный выше мужчина преподносит читателю то, что он в 12 лет, в отличие от своих «невинных» и «незрелых» ровесников, уже фантазировал о своем знакомом, как естественное продолжение его внимания к мужской нагоде, которое, по его словам, он заметил в себе с восьми лет. Причем интерес к мужскому телу в восемь лет описывается как непонятный для самого ребенка: «Почему-то вид голого мужского тела и естества нравился», — а в 12 лет его фантазии и желания описываются им уже скорее как выраженное проявление гомосексуальности, чем как ее предзнаменование.

Другой рассказчик рефлексивно размышляет о том, что причины его увлечения порнографией не были ему ясны, хотя уже тогда оно ощущалось как постыдное, то, что необходимо скрывать:

Понимал ли я, что мой интерес настолько глубинный, что предопределяет ход многих дальнейших событий в моей жизни? Понимал ли я свои желания так, как могу понять их сейчас? Конечно же, нет. Это был большой интерес, который я никак не мог себе объяснить, тем более о котором нельзя было даже намекнуть кому-либо, ведь я давно знал, что мужчина, засматривающийся на мужчин, — это нонсенс и табу (гомосексуальный мужчина, приблизительно 1993 г.р.).

Необъяснимый интерес к порнографии (особенно к гей-порнографии) в детстве описывается как часть значительных скрытых, подсознательных процессов, которые станут явными позже. Соответственно, этот эпизод является скорее предвосхищением негетеросексуальности рассказчика.

Острый интерес к сексуальности не ограничивался гомосексуальной эротикой, сюда же можно отнести мужские и женские воспоминания о чтении книг по популярной сексологии вроде «Энциклопедии семейной жизни» или детских энциклопедий о репродукции, разглядывании порнографических журналов, найденных дома, а также об интересе к процессу беременности и родов, репродуктивному поведению животных. Описанное

ранее стремление рассказчиков подчеркнуть свой детский интерес к сексуализированным играм со сверстниками также соответствует этой риторической стратегии — продемонстрировать свое изначально усиленное внимание к сексуальности. Кроме того, в нарративах знакомство детей с эротической или порнографической продукцией иногда перетекало в разыгрывание ими увиденного или прочитанного:

В четвертом классе мы [с подругой] нашли у меня дома журнал, который мой брат двоюродный забыл у нас, «Вот так», дурацкое название, короче, в общем порнографический дурацкий журнал. Там были истории дурацкие, картинки. Мы там читали какие-то истории. И, в общем, мы разыгрывали уже вот в четвертом классе не про животных, а про людей. Но это были именно гетеросцены. Ну, это не воспринималось как гомосексуальный опыт (гомосексуальная женщина, 1991 г.р.).

Так или иначе, с помощью раннего интереса к сфере сексуального в нарративах конструируется собственная инаковость. Этот интерес оказывается той самой уликой, подводящей к последующей негетеросексуальности.

Безразличие, отсутствие интереса к (гетеро)сексуальности, включая вопросы репродукции и человеческой анатомии, тоже подается рассказчиками как важное отличие от ровесников: «Мне это было даже неинтересно: в отличие от сверстников, я никогда не пытался узнать, откуда берутся дети, что делают мужчина с женщиной в спальне, и как все это происходит. В общем, мое запоздалое развитие налицо» (гомосексуальный мужчина, 1991 г.р.). Автор процитированной автобиографии подчеркивает, что не знал и не хотел узнать ничего о сексе (во всяком случае, о гетеросексуальном сексе). Введенное рассказчиком сравнение с другими детьми отображает его предположение о том, что для «обычного» ребенка нормально, естественно интересоваться вопросами сексуальности. Такое представление о норме неоднократно повторяется и в других нарративах. Отсутствие этого «естественного» интереса является для автора знаком отличия, выпадения из нормы.

Отсутствие интереса к сексуальной сфере в детском возрасте может продолжаться в старшем возрасте нежеланием вступать в какие-либо романтические или сексуальные отношения со сверстниками. Так, процитированный выше автор отмечает, что на протяжении подросткового периода не имел никаких отношений с девушками и не испытывал физической потребности в этом: «[О] затянувшихся сроках я начал думать только в 18–19 лет. До этого момента романтических отношений я хотел разве для того, чтобы не чувствовать себя одиноким, а не ради какого-то физического удовольствия». Один из инфор-

мантов в интервью рассказывал о том, как в отличие от ровесников в подростковом возрасте совершенно не был заинтересован в начале «половой жизни»: «У одноклассников уже началась какая-то половая жизнь, кто-то с кем-то спал, а мне все это было невесело, это было сложно, непонятно, это было сопряжено с какими-то дополнительными переживаниями. Мне хотелось, чтобы было весело» (гомосексуальный мужчина, 1985 г.р.).

Таким образом, и острый интерес к сексуальности, и его полное отсутствие фигурируют в биографических нарративах как значимый маркер отличия от окружающих. Прямо проговоренное сравнение со сверстниками присутствует во многих историях. Рассказчики сопоставляют свой детский опыт с предполагаемой ими «нормой» и обнаруживают свою инаковость уже на ранних жизненных этапах. Субъективное переживание своей непохожести на окружающих (на настоящий момент или же имевшей место еще в детстве) приводит к тому, что в разных историях основания для выделения собственного опыта на фоне остальных сверстников могут быть прямо противоположными. Вне зависимости от содержания, прагматика нарративного элемента одна — засвидетельствовать свою инаковость, подтверждая тем самым свою негетеросексуальность. Производя исследование первопричин собственной сексуальности, информанты озадачены поиском улик, подтверждающих их предположения, и на роль этих улик могут быть взяты разные, даже противоречащие друг другу на первый взгляд эпизоды из прошлого.

При этом инаковость приобретает разный характер в зависимости от того, с помощью каких средств она конструируется. Она может создаваться за счет того, что рассказчик из раза в раз постулирует чуждость ему гетеросексуальности в любом проявлении, и безразличие по отношению к репродуктивной физиологии — частный пример в этом ряду. Другая же стратегия конструирования собственной инаковости — выявление собственной негетеросексуальности, в частности гомосексуального влечения, и острый интерес к сексу в детстве оказывается важным элементом в этой риторической конструкции. В конечном счете обе стратегии не противоречат друг другу и могут использоваться одним рассказчиком в разных частях его нарратива (далее я покажу это на конкретном примере).

Реинтерпретация в действии

Чтобы наглядно проиллюстрировать, как информанты ищут в своем прошлом улики, связывают их в единую историю и интерпретируют, разберу одну письменную автобиографию, которая принадлежит молодой гомосексуальной девушке двадцати

с лишним лет. Она представляет интерес тем, как в разных перспективах, в зависимости от того, из какой точки рассказчица выбирает вести повествование и какие улики в ходе этого выявляются, ее прошлое описывается по-разному. Я планомерно прослеживаю появление негетеросексуальных улик в ее нарративе, придерживаясь сюжета автобиографии, и фиксирую смену риторики.

В начале автобиографии рассказчица пишет о том, что сразу ощущала свою инаковость, непохожесть на остальных: «С самого детства ты растешь с ощущением, что в тебе что-то “не так”». В детстве, по ее собственным словам, она не «зацикливалась» на этом ощущении, однако с возрастом это отличие от ровесников становилось для нее самой еще более заметным: «Когда вы дети, дистанция не ощущается. Когда ты вырастаешь и становишься подростком, между тобой и гетеросексуальными людьми начинает образовываться пропасть». Отличие постепенно формулируется ею как полное отсутствие интереса к гетеросексуальным отношениям, оно ощущалось как «позорное» и болезненно переживалось. Рассказчица пишет о том, что ей был чужд и непонятен всеобщий энтузиазм вокруг отношений мальчиков и девочек, и от этого она чувствовала себя неполноценной, стыдилась этого: «До 16 лет я просто ощущала себя человеком, который почему-то вообще не способен испытывать романтические и сексуальные чувства, потому что я не испытывала этого к мальчикам — и значит, не могла испытывать ни к кому. Я просто не могла понять, почему всем вокруг это настолько интересно. Я ощущала это как какой-то внутренний изъян, как будто мне не хватает какого-то куска, и никогда не стала бы говорить об этом с кем-то».

Таким образом, в начале текста перед читателями предстает героиня, не испытывающая никаких сексуальных и эротических ощущений, страдающая от своей асексуальности, переживающая социальную стигму в связи с этим. Она описывает свои ощущения через нехватку чего-то, отсутствие целостности, как будто метафорически изображая свою отсутствующую, недостающую сексуальность. Однако уже в этих словах есть намек на то, что предполагаемое отсутствие чувственных переживаний касается только гетеросексуальных взаимодействий. Информантка несколько раз говорит о том, как ей непонятны и неприятны гетеросексуальные отношения, и подчеркивает свою инаковость, отличие от гетеросексуальных людей.

Далее же рассказчица переворачивает представление о себе, обращаясь к тем своим подростковым переживаниям, которые были, следуя ее логике, «неосознаваемыми»: «Короче, до шестнадцати лет я была просто в стороне от любых осознаваемых

романтически-сексуальных переживаний. Но были чувства, которые не ассоциировались с лейблом «влюбленность», хотя являлись именно ею». Иначе говоря, с внешнего уровня описания своего прошлого она переходит к описанию подсознательных мыслей и чувств, которые тогда ей не были ясны, но которые она может заметить и растолковать сейчас, зная о своей негетеросексуальности. Она рассказывает о том, как тогда же, в подростковом возрасте, на самом деле влюблялась в девушек, но еще не знала, что ее чувства являются именно романтическими и содержат в себе эротическую составляющую. Затем рассказчица говорит о первых и продолжающихся на момент написания текста отношениях, описывая их как счастливые и полные взаимности.

Дойдя до описания своего настоящего, автор снова возвращается в раннее детство и начинает описывать свое взросление совсем в другой перспективе: «Вспоминая детство, могу сказать, что я чувствовала таким образом всегда». Оказывается, она не была лишена сексуальных и эротических переживаний, а влечение к девочкам сопровождало ее всю жизнь. Она описывает сексуализированные игры с подругой в младшем возрасте, а также ее ярко выраженный детский интерес к репродуктивной физиологии: «У меня в детстве была книжка, объясняющая, как получают дети. Там было сказано, что дети получают, когда мужчина и женщина любят друг друга. Еще у меня была подробная медицинская энциклопедия для детей, и я вызубрила ее на зубок еще в начальной школе». Судя по всему, она неоднократно возвращалась к детскому изданию по человеческой анатомии, которая вызывала в ней не только исследовательский, но и сексуальный интерес. Нарративные элементы, описанные выше и используемые как негетеросексуальные улики во многих других историях, успешно встраиваются в эту автобиографию.

Сама рассказчица не склонна выделять свой интерес к сексуальности на фоне остальных детей. Она считает повышенное детское любопытство по отношению к сексуальности обычным явлением: «Всем детям интересна тема секса, потому что она табуирована». В этом утверждении про всех детей выражены представления информантки о норме: дети должны интересоваться сексуальностью, в то время как отсутствие заинтересованности и любых сексуальных проявлений описывается как изъясн, отклонение от нормы.

Итак, рассказчица изображает свое детство и юность с двух противоположных ракурсов. Если смотреть на ее прошлое в гетеронормативной перспективе, ожидая от героини гетеросексуального поведения (а именно такую оптику она приписывает самой себе в юности), прошлое оказывается полностью

лишенным каких-либо проявлений сексуальности. Это описывается как болезненно переживаемое отклонение от нормы. Однако после 16 лет, когда девушка уже знает, что она гомосексуальна, она пересматривает свое прошлое, обнаруживает не замеченные ранее улики, и история оказывается совсем другой: в ней находится место эротическим и сексуальным переживаниям. Рассказчица как будто бы восполняет нехватку, имеющуюся в первой версии ее истории, возвращает свою недостающую сексуальность, встраивая себя в воображаемую ею самой норму, где каждый имеет сексуальные переживания.

На мой взгляд, этот кейс — отличная иллюстрация того, как по-разному может быть описан и проинтерпретирован один и тот же опыт. Рассказчица передает в тексте оценку событий и себя прошлой, не подозревающей о собственной гомосексуальности, и себя настоящей, ищущей следы своей инаковости в раннем детстве. Это пересечение двух временных горизонтов дает наглядное изображение процесса реинтерпретации событий прошлого.

Заключение

Итак, описывая себя и свою жизнь, негетеросексуальные люди находят в своем детстве знаки, интерпретирующиеся ими как свидетельства их негетеросексуальности. Это позволяет им показать устойчивость, неизменность их сексуальности и вместе с тем служит способом сборки биографического нарратива, скрепляя разные детали в одну историю. Важно, что сами по себе воспоминания из детства не становятся причиной для подозрений в собственной гомо- или бисексуальности, а актуализируются уже тогда, когда человек убежден в том, что не является гетеросексуальным. Это не расследование по горячим следам, а «ретроспективное пророчество» по К. Гинзбургу [Гинзбург 2004]. Соответственно, эти эпизоды из детства встраиваются в нарратив с конкретной прагматикой: с помощью связанной истории легитимизировать свою идентичность, дать ей одновременно объяснение (я всегда был/а таким/такой) и подтверждение (иллюстрация примерами).

Находя и предъявляя негетеросексуальные улики, информанты экзотизируют свой опыт, подчеркивают свою инаковость. Негетеросексуальная биография — это биография культурного «другого», которая во многом строится на оппозиции к нормативной гетеросексуальности. Информантам важно показать, что они с раннего детства отличались от (гетеросексуальных) окружающих и их инаковость присуща им априори. Одновременно с этим они стремятся к нормализации своей сексуальности, демонстрируя, что она не расстройство, отклонение или резуль-

тат вредоносного влияния, «пропаганды»¹, а напротив, имеет историю своего развития, становления, и эта история может проследиваться.

Можно заметить, что нарративы моих информантов, которые я рассматриваю как психотерапевтические, преимущественно не соответствуют психоаналитической концепции сексуальности и позиции З. Фрейда, предполагающим, что любая сексуальность не является врожденной, а развивается под влиянием множества факторов. Парадоксальным образом психотерапевтический нарратив оказывается удобной рамкой для биологизаторского взгляда на сексуальность. В том, как рассказчики подчеркивают изначальность, врожденность своей инаковости и негетеросексуальности, просматривается эссенциализация сексуальной идентичности, которая в некоторых нарративах выражена эксплицитно. Так, процитированная во введении информантка, гомосексуальная женщина, после истории о том, как хотела в детстве стать мальчиком, добавляет: «Я-то считаю себя геем² от рождения, поэтому проследиваю всё это». Эти слова можно понять двояко. С одной стороны, как, вероятно, и имела в виду информантка, оттого что ее гомосексуальность врожденная, становится возможным обнаружить гомосексуальные проявления в раннем детстве. С другой стороны, можно понять эти слова так, что именно ее собственная убежденность на этот счет позволяет ей обнаружить следы гомосексуальности в своем детстве. И именно к такой конструктивистской позиции подводит мой анализ негетеросексуальных биографических нарративов. Стремление объяснить и нормализовать себя, связать свою жизненную историю воедино, продемонстрировать стабильность своей идентичности реализуется в биологизации негетеросексуальности.

Библиография

- Аронсон П. и др. Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности. М.: Индивидуум, 2022. 288 с.
- Борисов С.Б. Мир русского девичества: 70–90-е годы XX века. М.: Ладомир, 2002. 343 с.
- Гинзбург К. Приметы: уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: морфология и история. М.: Новое издательство, 2004. С. 189–141.

¹ Как это предполагают авторы закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений. Подробнее о самом законе и его влиянии на жизнь российских негетеросексуальных людей см.: [Соболева, Бахметьев 2014; Кондаков 2017; Kondakov, Shtorn 2021].

² Информантка использует термин «гей» так, как он используется иногда в английском языке, без связи с гендером (gay man, gay woman).

- Дубин Б.В. Биография, репутация, анкета (о формах интеграции опыта в письменной культуре) // Дубин Б.В. Слово — письмо — литература: очерки по социологии культуры. М.: НЛЮ, 2001. С. 98–119.
- Калугин Д. Проза жизни: русские биографии в XVIII–XIX вв. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 260 с.
- Кислицына П. «Мы выходим из шкафа не единожды, а много-много раз»: каминг-аут, доверие и вариации открытости в биографиях российских негетеросексуальных людей // Cahiers du Monde Russe. 2021. Т. 62. № 2–3. С. 307–332.
- Кон И.С. Лики и маски однополрой любви: лунный свет на заре. М.: Олимп; АСТ, 2003. 576 с.
- Кондаков А. Конфигурации права: как действует закон о «пропаганде» в школах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 20(5). С. 187–206.
- Лернер Ю. Теле-терапия без психологии, или Как адаптируют self на постсоветском телеэкране // Laboratorium. 2011. Т. 3. № 1. С. 116–137.
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
- Мозжегоров С.В. Стратегии личностного раскрытия в личностных нарративах российских геев и лесбиянок // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 3. С. 172–187.
- Мозжегоров С.В. Нарративы о гомосексуальном раскрытии в западном и российском социокультурном контексте // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 124–140.
- Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества, обмен, личность: труды по социальной антропологии. М.: Наука, 1996. С. 242–263.
- Нартова Н. Другое (ли) тело: производство лесбийского тела в лесбийском дискурсе // В тени тела: Сб. статей и эссе. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2008. С. 93–110.
- Натанс Б. «Заговорившие рыбы»: о мемуарах советских диссидентов // Пинский А. (ред.). После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): Сб. статей. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. С. 398–443.
- Поплавский Р.О., Ключева В.П. «Как только я переродился...»: конверсия и рассказы о ней в пятидесятнической традиции: структура и функции // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1(10). С. 35–41.
- Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: ИД ВШЭ, 2012. 381 с.
- Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. С. 322–356.
- Роткирх А. Любовь с словами и без слов: опыт лесбийских отношений в позднесоветский период // Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.). В поисках сексуальности. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2002. С. 452–468.
- Роткирх А. Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 390 с.

- Савкина И.* Разговоры с зеркалом и зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: НЛЮ, 2007. 438 с.
- Соболева И., Бахметьев Я.* «Меня как будто вытолкали за ворота»: реакция ЛГБТ на запрет «пропаганды гомосексуализма» // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 2. С. 217–232.
- Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. С. 122–200.
- Шадрина А.* «Жизнь без боли»: детская психологическая травма как продукт // Шадрина А. «Дорогие дети»: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М.: НЛЮ, 2017. С. 264–300.
- Browne K.* Negotiations and Fieldworkings: Friendship and Feminist Research // ACME: An International E-Journal for Critical Geographies. 2003. Vol. 2. No. 2. P. 132–146.
- Butler J.* Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity. N.Y.; L.: Routledge, 1990. 272 p.
- Csordas T.J.* Somatic Modes of Attention // Cultural Anthropology. 1993. Vol. 8. No. 2. P. 135–156.
- Clech A.* Between the Labor Camp and the Clinic: Tema or the Shared Forms of Late Soviet Homosexual Subjectivities // Slavic Review. 2018. Vol. 77. No 1. P. 6–29. doi: 10.1017/slr.2018.8.
- Illouz E.* Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2007. 144 p.
- Jackson J.L.* “God’s Law Indeed Is There to Protect You from Yourself”: The Christian Personal Testimonial as Narrative and Moral Schemata to the US Political Apology // Language and Communication. 2012. Vol. 32. No. 1. P. 48–61. doi: 10.1016/j.langcom.2011.10.001.
- Jolly M.* Coming Out of the Coming Out Story: Writing Queer Lives // Sexualities. 2001. Vol. 4. No. 4. P. 474–496. doi: 10.1177/136346001004004005.
- Kinsey A.C., Pomeroy W.B., Martin C.E.* Sexual Behavior in the Human Male. Philadelphia: W.B. Saunders, 1948. 834 p.
- Kinsey A.C., Pomeroy W.B., Martin C.E., Gebhard P.H.* Sexual Behavior in the Human Female. Philadelphia: W.B. Saunders, 1953. 842 p.
- Kondakov A.S., Shtorn E.* Sex, Alcohol, and Soul: Violent Reactions to Coming Out after the “Gay Propaganda” Law in Russia // Russian Review. 2021. Vol. 80. No. 1. P. 37–55. doi: 10.1111/russ.12297.
- Lamb S., Coakley M.* “Normal” Childhood Sexual Play and Games: Differentiating Play from Abuse // Child Abuse and Neglect. 1993. Vol. 17. No. 4. P. 515–526. doi: 10.1016/0145-2134(93)90026-2.
- Linde C.* Life Stories: The Creation of Coherence. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1993. 256 p.
- Plummer K.* Telling Sexual Stories: Power, Change and Social Worlds. L.: Routledge, 1995. 244 p.
- Savoia P.* Sexual Science and Self-Narrative: Epistemology and Narrative Technologies of the Self Between Krafft-Ebing and Freud // History of the Human Sciences. 2010. Vol. 23. No. 5. P. 17–41. doi: 10.1177/0952695110375040.

- Seidman S.* Beyond the Closet? The Changing Social Meaning of Homosexuality in the United States // *Sexualities*. 1999. Vol. 2. No. 1. P. 9–34. doi: 10.1177/136346099002001002.
- Snow D.A., Machalek R.* The Sociology of Conversion // *Annual Review of Sociology*. 1984. Vol. 10. No. 1. P. 167–190. doi: 10.1146/annurev.so.10.080184.001123.
- Stella F.* Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia: Post/Socialism and Gendered Sexualities. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 192 p.
- Walters S.D.* The Tolerance Trap: How God, Genes, and Good Intentions are Sabotaging Gay Equality. N.Y.; L.: New York University Press, 2014. 334 p.

Non-Heterosexual Clues: Investigating One's Sexuality in Biographical Narratives

Polina Kislitsyna

Independent researcher
St Petersburg, Russia
pkislitsyna@eu.spb.ru

The article is devoted to how non-heterosexual people look for perceived signs of their sexual otherness in the past and present them in biographical narratives. This search for clues is like an investigation: informants select events and details from childhood and adolescence that are assumed to be related to their current sexual identity. These clues include, among other things, recollections of childhood sexualized games, child gender otherness, and childhood interest or indifference to the topic of sexuality. In biographical interviews and written autobiographies, the author considers rhetorical strategies for the self-description of non-heterosexual people. The evidence paradigm of K. Ginzburg is used as a conceptualization tool, but, in this case, participants look for clues, not the researcher. The methodological basis of the work is a biographical approach and narrative analysis. With the help of non-heterosexual clues found in the past, participants simultaneously confirm the sustainability of their sexuality and connect elements of their biography into an orderly story. A coherent biographical narrative allows them to normalize their non-heterosexuality by offering an explanation and background to it. At the same time, it is built on opposition to the heterosexual norm.

Keywords: homosexuality, bisexuality, sexuality, sexual identity, biographical narrative, rhetorical strategies, evidential paradigm.

References

- Aronson P. et al., *Slozhnye chuvstva. Razgovornik novoy realnosti: ot abyuza do toksichnosti* [Difficult Feelings. Phrasebook of a New Reality: From Abuse to Toxicity]. Moscow: Individuum, 2022, 288 pp. (In Russian).
- Borisov S. B., *Mir russkogo devichestva: 70–90-e gody XX veka* [The World of Russian Girlhood: 70–90s of the Twentieth Century]. Moscow: Ladomir, 2002, 343 pp. (In Russian).
- Browne K., 'Negotiations and Fieldworkings: Friendship and Feminist Research', *ACME: An International E-Journal for Critical Geographies*, 2003, vol. 2, no. 2, pp. 132–146.
- Butler J., *Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity*. New York; London: Routledge, 1990, 272 pp.
- Clech A., 'Between the Labor Camp and the Clinic: Tema or the Shared Forms of Late Soviet Homosexual Subjectivities', *Slavic Review*, 2018, vol. 77, no. 1, pp. 6–29. doi: 10.1017/slr.2018.8.
- Csordas T. J., 'Somatic Modes of Attention', *Cultural Anthropology*, 1993, vol. 8, no. 2, pp. 135–156.
- Dubin B. V., 'Biografiya, reputatsiya, anketa (o formakh integratsii opyta v pismennoy kulture)' [Biography, Reputation, Questionnaire (On the Forms of Integration of Experience in Written Culture)], Dubin B. V., *Slovo — pismo — literatura: ocherki po sotsiologii kultury* [Word — Writing — Literature: Essays on the Sociology of Culture]. Moscow: NLO, 2001, pp. 98–119. (In Russian).
- Freud S., 'Three Essays on the Theory of Sexuality', Strachey J. (ed., trans.), *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. London: Hogarth Press, 1953, pp. 123–246.
- Ginzburg C., 'Clues: Roots of Evidence Paradigm', Ginzburg C., *Clues, Myths, and the Historical Method*, trans. by T. John, A. C. Tedeschi. Baltimore, MD: John Hopkins University Press, 1989, pp. 96–213.
- Illouz E., *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2007, 144 pp.
- Jackson J. L., "'God's Law Indeed is There to Protect You from Yourself": The Christian Personal Testimonial as Narrative and Moral Schemata to the US Political Apology', *Language and Communication*, 2012, vol. 32, no. 1, pp. 48–61. doi: 10.1016/j.langcom.2011.10.001.
- Jolly M., 'Coming Out of the Coming Out Story: Writing Queer Lives', *Sexualities*, 2001, vol. 4, no. 4, pp. 474–496. doi: 10.1177/136346001004004005.
- Kalugin D., *Proza zhizni: russkie biografii v XVIII–XIX vv.* [Prose of Life: Russian Biographies in the 18th–19th Centuries]. St Petersburg: EUSP Press, 2015, 260 pp. (In Russian).
- Kinsey A. C., Pomeroy W. B., Martin C. E., *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia: W. B. Saunders, 1948, 834 pp.
- Kinsey A. C., Pomeroy W. B., Martin C. E., Gebhard P. H., *Sexual Behavior in the Human Female*. Philadelphia: W. B. Saunders, 1953, 842 pp.
- Kislitsyna P., "'Мы выходим из шкафа не единожды, а много-много раз": kaming-aut, doverie i variatsii otkrytosti v biografyakh rossiyskikh negeteroseksualnykh lyudey' ["We Come Out of the Closet not Once, but Many, Many Times": Coming Out, Trust and Degrees of Openness

- in Russian Non-Heterosexuals' Biographies], *Cahiers du Monde Russe*, 2021, vol. 62, no. 2–3, pp. 307–332. (In Russian).
- Kon I. S., *Liki i maski odnopoloy lyubvi: Lunnyy svet na zare* [The Faces and Masks of Same-sex Love: Moonlight at Dawn]. Moscow: Olimp; AST, 2003, 576 pp. (In Russian).
- Kondakov A., 'Pravovye rany: znachenie prav cheloveka dlya geev i lesbiyanok v Rossii' [Legal Wounds: The Importance of Human Rights for Gays and Lesbians in Russia], *Laboratorium*, 2012, vol. 4, no. 3, pp. 84–104. (In Russian).
- Kondakov A. S., Shtorn E., 'Sex, Alcohol, and Soul: Violent Reactions to Coming Out after the "Gay Propaganda" Law in Russia', *Russian Review*, 2021, vol. 80, no. 1, pp. 37–55. doi: 10.1111/russ.12297.
- Lamb S., Coakley M., "'Normal" Childhood Sexual Play and Games: Differentiating Play from Abuse', *Child Abuse and Neglect*, 1993, vol. 17, no. 4, pp. 515–526. doi: 10.1016/0145-2134(93)90026-2.
- Lerner Yu., 'Tele-terapiya bez psikhologii, ili Kak adaptiruyut self na post-sovetskom teelekrane' [Tele-Therapy without Psychology, or How the Self is Adapted on the Post-Soviet Television Screen], *Laboratorium*, 2011, no. 3(1), pp. 116–137. (In Russian).
- Likhachev D. S., *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow: Nauka, 1979, 360 pp. (In Russian).
- Linde C., *Life Stories: The Creation of Coherence*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993, 242 pp.
- Mauss M., 'Techniques of the Body' (transl. B. Brewster), *Economy and Society*, 1973, no. 2, pp. 70–88.
- Mozzhegorov S. V., 'Strategii lichnostnogo raskrytiya v lichnostnykh narrativakh rossiyskikh geev i lesbiyanok' [Strategies of Personal Disclosure in the Personal Narratives of Russian Gays and Lesbians], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2013, no. 16(3), pp. 172–187. (In Russian).
- Mozzhegorov S. V., 'Narrativy o gomoseksualnom raskrytii v zapadnom i rossiyskom sotsiokulturnom kontekste' [Narratives about Homosexual Disclosure in Western and Russian Sociocultural Contexts], *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2014, no. 1, pp. 124–140. (In Russian).
- Nartova N., 'Drugoe (li) telo: proizvodstvo lesbiyskogo tela v lesbiyskom diskurse' [The Other Body? The Production of the Lesbian Body in Lesbian Discourse], *V teni tela* [In the Shadow of the Body]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University Press, 2008, pp. 93–110. (In Russian).
- Natans B., "'Zagovorivshie ryby": o memuarakh sovetskikh dissidentov' ["Talking Fish": About the Memoirs of Soviet Dissidents], *Posle Stalina: pozdnesovetskaya subektivnost (1953–1985)* [After Stalin: Late Soviet Subjectivity (1953–1985)], St Petersburg: EUSP Press, 2018, pp. 398–443. (In Russian).
- Plummer K., *Telling Sexual Stories: Power, Change and Social Worlds*. London: Routledge, 1995, 244 pp.
- Poplavskiy R. O., Klyuyeva V. P., "'Kak tolko ya pererodilsya...": konversiya i rasskazy o ney v pyatidesyatnicheskoy traditsii: struktura i funktsii' ["As Soon as I Was Reborn...": Conversion and Narratives about It in the Pentecostal Tradition: Structure and Function'], *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury*, 2013, no. 1(10), pp. 35–41. (In Russian).

- Rosenthal G., 'Rekonstruktsiya rasskazov o zhizni: printsipy otbora, kotorymi rukovodstvuyutsya rasskazchiki v biograficheskikh narrativnykh intervyyu' [Reconstruction of Life Stories: Selection Principles for Narrators in Biographical Narrative Interviews], *Khrestomatiya po ustnoy istorii* [Reader on Oral History]. St Petersburg: EUSP Press, 2003, pp. 322–356. (In Russian).
- Rotkirch A., 'Lyubov s slovami i bez slov: opyt lesbiyskikh otnosheniy v pozdne-sovetskiy period' [Love with and without Words: The Experience of Lesbian Relationships in the Late Soviet Period], Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.), *V poiskakh seksualnosti* [In Search of Sexuality]. St Petersburg: EUSP Press, 2002, pp. 452–468. (In Russian).
- Rotkirch A., *Muzhskoy vopros: lyubov i seks trekh pokoleniy v avtobiografiyakh peterburzhtsev* [The Man Question: Love and Sex of Three Generations in the Autobiographies of Petersburgers]. St Petersburg: EUSP Press, 2011, 390 pp. (In Russian).
- Rozhdestvenskaya E. Yu., *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [Biographical Method in Sociology]. Moscow: HSE Publishing House, 2012, 381 pp. (In Russian).
- Savkina I., *Razgovory s zerkalom i zazerkalyem: avtodokumentalnye zhenskie teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka* [Conversations with a Mirror and Looking Glass: Autodocumentary Women's Texts in Russian Literature in the First Half of the 19th Century]. Moscow: NLO, 2007, 438 pp. (In Russian).
- Savoia P., 'Sexual Science and Self-Narrative: Epistemology and Narrative Technologies of the Self Between Krafft-Ebing and Freud', *History of the Human Sciences*, 2010, vol. 23, no. 5, pp. 17–41. doi: 10.1177/0952695110375040.
- Seidman S., 'Beyond the Closet? The Changing Social Meaning of Homosexuality in the United States', *Sexualities*, 1999, vol. 2, no. 1, pp. 9–34. doi: 10.1177/136346099002001002.
- Shadrina A., "Zhizn bez boli": detskaya psikhologicheskaya travma kak produkt' ["Life without Pain": Children's Psychological Trauma as a Product], Shadrina A., "Dorogie deti": sokrashchenie rozhdaemosti i rost "tseny" materinstva v XXI veke ["Expensive Children": The Decline in the Birth Rate and the Increase in the "Price" of Motherhood in the 21st Century]. Moscow: NLO, 2017, pp. 264–300. (In Russian).
- Snow D. A., Machalek R., 'The Sociology of Conversion', *Annual Review of Sociology*, 1984, vol. 10, no. 1, pp. 167–190. doi: 10.1146/annurev.so.10.080184.001123.
- Soboleva I., Bakhmetiev Ya., "Menya kak budto vytolkali za vorota": reaktsiya LGBT na zapret "propagandy gomoseksualizma" ["It Was as If I Had Been Pushed Out of the Gate": The Reaction of LGBT People to the Ban on "Propaganda of Homosexuality"], *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 217–232. (In Russian).
- Stella F., *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia: Post/Socialism and Gendered Sexualities*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015, 192 pp.
- Walters S. D., *The Tolerance Trap: How God, Genes, and Good Intentions are Sabotaging Gay Equality*. New York; London: New York University Press, 2014, 334 pp.